

07.00.02 Отечественная история
УДК 947.06/.07+322(574)
DOI 10.22311/2074-1529-2018-14-2-61-76

Н. М. Емельянова,
Омский государственный медицинский университет, г. Омск

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ КАЗАХОВ В СОСТАВ РОССИИ В XVIII–XIX ВВ.

ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья Михайловна — канд. ист. наук, доцент
каф. филос. и социально-гуманитарных наук. Омский государственный
медицинский университет
(644099, г. Омск, ул. Ленина, 12).
E-mail: natalya33345@gmail.com

Аннотация. Статья раскрывает особенности религиозной политики Российской империи по отношению к казахскому населению в XVIII–XIX вв. В качестве источника использованы ранее не публиковавшиеся материалы из фондов Исторического архива Омской области. Исследование имеет практическую значимость, поскольку и в современном мире невозможно представить многоконфессиональное государство без определённой модели религиозной политики. Одним из вариантов такой модели являлась религиозная политика правительства Екатерины II. Стремясь культурно интегрировать казахов в состав России, оградить их от влияния учителей ислама из Ташкента, Бухары и Хивы, правительство в XVIII веке сделало татарских мулл официальными проводниками своего влияния среди казахов. Верные империи, татары должны были способствовать тому, чтобы перспектива российского подданства стала для казахского населения более привлекательной, чем возможность объединения с мусульманами государств Средней Азии. Однако по мере завоевания этого региона во второй половине XIX в. заинтересованность

в татарских муллах становилась все меньше. Кроме того, XIX век ознаменовался подъемом татарской национальной культуры в русле ислама, поэтому Российское правительство организационно отделило мусульман-татар от мусульман-казахов, усилило светское направление развития казахской культуры, сохранив лояльность казахского народа. В то же время оно пресекало любые инициативы, выходящие за рамки закона и ограничивавшие мусульманское население. Поэтому успешное расширение границ Российской империи в XIX веке — это не только успешные войны, но и результат гибкой религиозной политики.

Ключевые слова: религиозная политика, ислам, империя, татарские муллы, казахи, российская администрация, интеграция.

Для цитирования: Емельянова Н. М. Религиозная политика как инструмент интеграции казахов в состав России в XVIII–XIX вв. Ислам в современном мире, 2018; 2: 61–76; DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-2-61-76

Статья поступила в редакцию: 25.04.2018

Статья принята к публикации: 21.05.2018

Религиозная политика — важнейший компонент государственной политики многоконфессиональной империи. Особенно когда речь идёт о народах, сохранившихся в рамках традиционной культуры. В этом случае религия определяет не только культурно-этические нормы жизни народа, но и его политику и экономику. Примером такого народа в составе Российской империи были казахи. Поэтому в процессе интеграции их в состав империи религиозная политика имела колоссальное значение.

О религии у казахов учёный Петербургской академии наук Иоганн Готлиб Георги после экспедиции 1768–1774 гг. в своем основном труде «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» писал следующее: «В начале столетия обратились киргизцы¹ по прельщению туркестанских священнослужителей от шаманского язычества к магометанскому закону... Малое число находящихся у них мулл состоит из полоненных ими российских или других каких татар, умеющих читать и писать, и потому люди сии бывают счастливы отчасти как священнослужители, а отчасти как писцы и советники знатных киргизцев»².

Другой ученый, Иоганн Петер Фальк, член Петербургской академии наук, исследовавший в рамках той же экспедиции Астраханский

¹ Киргизцы, киргизы — так называли казахов в XVIII–XIX вв.

² Прошлое Казахстана в источниках и материалах / под ред. С. Д. Асфендиярова и проф. П. А. Кунте. Сб. I (V в. до н. э. — XVIII в.). Алма-Ата; М., 1935. С. 197.

и Оренбургский край, Западную Сибирь, Южный Урал и Казань, также оставил свои заметки о «киргизах». Он отмечал: «Магометане киргизы очень плохие, невежественные и суеверные. Ни мечетей, ни школ у них нет, совсем и мало служителей культа, мулл. Муллы все тоже очень невежественны. В силу всего этого киргизы не умеют ни читать, ни писать»¹.

В этих обстоятельствах правительство Екатерины II, имевшее негативный опыт пугачевского восстания (1773–1775 гг.), когда к бунту присоединились подвергшиеся принудительной христианизации народы Поволжья, с первых шагов в Степи демонстрировало осторожность своей религиозной политики. Во-первых, Екатерина, стремясь выказать свою причастность передовым европейским идеям в духе Просвещения, поддерживала принцип веротерпимости. Во-вторых, в идеологической плоскости правительство сделало ставку на ислам, и в качестве проводников российского влияния избрало представителей мусульманских народов Поволжья и Южного Урала. Эти народы в то время было принято называть татарами, но в действительности они могли быть и башкирами или отождествлять себя с этническими группами, лишь впоследствии вошедшими в состав современных татар.

Такое оригинальное для православной империи решение имело свои внешне- и внутривластные мотивы. С территории Ташкента, Бухары и Хивы в Казахскую степь начали проникать проповедники ислама. Влияние этих агентов пограничных с Россией исламских государств должны были нейтрализовать «татарские» муллы. Именно «татары» были желательны в этой роли, так как они уже доказали свою лояльность по отношению к империи, знали язык, обычаи и культуру казахов, имели долгий исторический опыт общения с этим народом и в культурно-цивилизационном аспекте были, несомненно, ближе казахам, чем русские. В подтверждение можно привести слова ученого-востоковеда, последовательного сторонника просвещения инородцев Н. И. Ильминского (1822–1891): если казах «осознал и почувствовал неудобства кочевого быта и решается усвоить удобство оседлой жизни, то он всегда усваивает быт не русский, а татарский, реже среднеазиатский»².

Практическому осуществлению замыслов правительства положили начало указы Екатерины II от 25 февраля 1782 г. и от 2 мая 1784 г. о строительстве мечетей. Затем последовали царские указы от 27 ноября 1785 г. и от 21 апреля 1787 г., имеющие адресатом симбирского и уфимского генерал-губернатора барона Осипа Андреевича Игельстрома (состоял в этой должности в 1784–1791), об обеспечении казахских родов «татарскими» муллами³. В том же 1787 г. в типографии Российской академии

¹ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. С. 197.

² Цит. по: Султангалиева Г. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 29.

³ Там же. С. 22–23.

наук был впервые напечатан Коран на арабском языке (позже он переиздавался в 1789, 1790, 1793, 1796, 1798 гг.).

Для регулирования процесса пополнения татарского духовенства, строительства и функционирования мечетей и находившихся при них школ 22 сентября 1788 г. в г. Уфе было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание во главе с назначенным муфтием Мухаметжаном Хусаиновым. Как официальные представители империи в Степи, муллы были поставлены под государственный контроль. Перед отправкой в Степь каждый мулла должен был выдержать экзамены перед Оренбургским духовным собранием. В случае успеха, получив указ Оренбургского губернского правления, он становился «указным муллой». Их основная задача в Степи состояла в том, чтобы воспитать единоверцев-казахов в духе преданности империи. Кроме того, красноречие татарских священнослужителей использовалось и для других не менее важных задач. Не случайно в многочисленных фетвах главы Оренбургского магометанского собрания разъяснялась польза земледелия для мусульман¹.

Религиозное образование тоже являлось миссией и заслугой татарских священнослужителей. Вместе с исламом татарские муллы привнесли в Казахскую степь и традиционные для татар формы обучения. При открывавшихся по указам Екатерины II мечетях функционировали магометанские школы двух ступеней: медресе и мектебы. В медресе преподавались основы Корана, мусульманское право, грамматика арабского языка, догматика, логика и математика. Скромнее выглядело образование в мектебе, сводившееся к заучиванию сур Корана. Следует подчеркнуть, что впоследствии среди казахов магометанская грамотность преобладала над светским образованием.

В процессе завоевания Средней Азии во второй половине XIX в. границы империи сместились на юг, и российская администрация почувствовала себя увереннее в Казахской степи. Посредничество татарских мулл в отношениях с кочевниками стало неактуальным. К тому же в деле интеграции казахов в состав империи правительство заметно продвинулось вперед, а влияние волжских татар, переживавших в это время национально-религиозный и культурный подъем, могло перечеркнуть эти результаты. Сказался также внешнеполитический фактор: неудачная Крымская война с мусульманской Турцией и утрата прежних позиций на Ближнем Востоке подогревали антиисламские настроения не только в правительственных кругах, но и в широких слоях российского общества. Таким образом, изменилось отношение и к татарским проповедникам, и к исламу в целом.

---

¹ Султангалиева Г. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.). С. 23, 29.

Наконец, успехи в социально-экономической и административно-политической интеграции способствовали интеграции в культурной сфере. Поэтому доминирование ислама и мусульманских школ в Казахской степи в новых условиях вызывало тревогу как у интеллигенции, так и у властей.

В русле наметившейся тенденции Н. И. Ильминский разработал свою антиисламскую образовательную программу для инородцев. С 1861 г. Николай Иванович постоянно работал в Казани, сначала в университете, затем еще и в Духовной академии, с 1868 г. руководил переводческой комиссией. Усилиями Ильминского и его соратников, нередко инородцев по происхождению, для многих языков были созданы алфавиты на основе кириллицы. К числу таковых относится и казахский язык, до этого не имевший письменности. На эти языки были переведены учебники, словари и христианская литература.

В 1864 г. Н. И. Ильминский способствовал официальному открытию в Казани первой образцовой школы для православных татар (Казанской центральной крещёно-татарской школы), где обучение велось в духе христианской традиции, но на татарском языке. Позже подобные школы с преподаванием на родном языке были учреждены для казахов и стали известны как русско-казахские школы¹.

Выделялись следующие разновидности русско-казахских школ: двухклассные училища, одноклассные волостные и участковые училища, аульные и старшинские школы. Недостатком двухклассных училищ было несоответствие кочевому образу жизни казахов. С учетом данного фактора функционировали одноклассные волостные и участковые училища, учебный год в которых начинался с 15 сентября и заканчивался до начала перекочевков на летние пастбища — 1 мая. Одноклассные волостные и участковые училища, как и двухклассные, содержались за счет государства, и обучались в них преимущественно дети верхушки казахского общества. Более массовыми и демократичными по составу учащихся были аульные и старшинские школы. Они располагались в юртах и кибитках, а их финансирование осуществлялось из общественных средств².

Все русско-казахские школы, идейным вдохновителем которых был Ильминский, давали лишь начальное образование и не имели широкого распространения в казахской среде. В 1870 году система Ильминского, предполагавшая образование национальное по форме и православное по содержанию, была одобрена Дмитрием Андреевичем Толстым, министром народного просвещения (1866–1880).

На законодательном уровне поворот к новой политике в сфере религии и образования нашел отражение во «Временном положении об

¹ Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение — история — распад. М.: ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ, 2000. С. 194.

² Актаева К. К. Особенности школьного образования в Казахстане во второй половине XIX в. // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов. Омск, 1998. С. 116–117.

управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства» от 21 октября 1868 г. Согласно параграфу 215 раздела IV «Об управлении духовными делами киргизов», религиозная жизнь казахов отныне не относилась к ведению Оренбургского магометанского собрания. «Местное заведование духовными делами киргизов» предоставлялось «местным муллам, с подчинением их общему гражданскому управлению и через него — министру внутренних дел». Более того, параграф 217 сводил к минимуму татарское влияние на низовом уровне духовной иерархии: муллы должны были «избираться исключительно из природных киргизов, русских подданных»¹.

Далее, по 228-й параграф включительно, следовала регламентация порядка избрания мулл, их прав и обязанностей. Муллою мог быть «всякий, способный к тому по понятиям киргизов, если он не опорочен по суду и не находится под следствием». Муллы должны были избираться обществом волости и затем, по представлению уездного начальника, утверждаться военным губернатором. «Удаление от должности с воспреещением исполнения духовных треб и предание суду» духовных лиц также находилось в компетенции военного губернатора. В параграфе 227 указывалось: «За неправильное ведение метрических книг и совершение браков, а равно и за другие противозаконные действия по исполнению своей духовной обязанности муллы подвергаются ответственности как за преступление по должности»². То есть мулла юридически приравнивался к государственному чиновнику.

Муллам предоставлялось право «заведовать брачными и семейными делами» по определенным правилам, некоторые из них соответствовали современным нормам европейских государств, но шли в разрез с казахскими традициями. Например, параграф 223 вменял муллам в «особую обязанность» следующее: «1. Отнюдь не совершать браков ранее достижения женихом восемнадцати, а невестою шестнадцати лет от рождения; 2. Строго наблюдать, чтобы браки не были заключаемы по насилью, без добровольного согласия невесты»³.

Второй пункт цитируемого параграфа был связан с бытовавшим в Степи обычаем похищения невест. Судя по архивным данным, этот обычай порой становился причиной раздоров и тяжб, так как похищение не всегда соответствовало интересам семьи девушки и нередко носило грубые формы как по отношению к невесте, так и к ее родственникам.

Параграфы 226 и 228 ограничивали материальные возможности мулл. В случаях нарушения супружеской верности, в соответствии с параграфом 226, мулла должен был «ограничиться лишь увещанием и наложением

¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 57.

² Там же. Л. 57, 59.

³ Там же. Л. 58.

духовного покаяния и исправления, но никаких других взысканий и наказаний определять не в праве». Наравне с прочими киргизами муллы обязаны были платить подати и повинности, однако «если же общество, по общественным приговорам, пожелает освободить их от платежа податей и повинностей, — сообщал параграф 228, — то принимает отправление оных на себя»¹.

Отдельные параграфы заметно ограничивали исламскую религию и её институты. Параграф 216 гласил: «Каждой волости дозволяется иметь одного муллу». Согласно параграфу 229, возведение мечетей должно было осуществляться с разрешения генерал-губернатора. Параграфом 230 предусматривалось, что «на право преподавания местным жителям грамоты и устройство при мечетях школ, муллы должны иметь разрешение уездного начальника»².

«Временное положение» 1868 г. подтвердило полное подчинение мусульманских священников государственной власти. Новизна законопроекта состояла в организационном отделении мусульман-татар от мусульман-казахов, а также в установлении контроля за численностью мечетей и находящихся при них школ.

1870 г. ознаменовался поворотом российской религиозной политики в сторону русификации. Речь идет о правительственном решении от 26 марта «Об особых правилах относительно инородцев-христиан и татар-магометан», которое предписывало в каждой религиозной школе наряду с муллой, не владеющим русским языком, иметь в штате русского преподавателя, знающего «татарский язык». Ещё раз оговаривалось, что содержание мечетей и школ при них является обязанностью родителей учащихся или мусульманских обществ. Причём на собранные средства рекомендовалось учреждать в мектебе и медресе специальные классы русского языка для подготовки будущих учителей из числа мусульман. В классы русского языка следовало приглашать русских учителей, хорошо знающих «татарское наречие». В перспективе, согласно этому документу, планировалось обучение «исключительно на одном русском языке». Администрации на местах вменялось в обязанность следить за тем, чтобы впредь новые медресе и мектебы открывались только при наличии в штате учителей русского языка³.

Основная цель решения от 26 марта 1870 г. заключалась в том, чтобы обеспечить знание разговорного русского языка среди подданных-мусульман. На практике повсеместно реализовать эти предписания в Казахской степи не удалось. И причина здесь не только в пассивном

¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 59.

² Там же. Л. 57, 59.

³ Цит. по: *Айтмухамбетов А. А. Ермекебаев Ж. А.* Эволюция образования в Казахстане в процессе развития русско-казахских отношений в середине XIX — начале XX в. // *Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов.* Омск, 1998. С. 122.

сопротивлении мусульманских общин, но и в недостатке грамотных специалистов, желающих жить и работать в провинции, в условиях отсутствия благоустроенного быта, вдали от столичного блеска и карьерных возможностей. В целом в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, как и в Восточно-Сибирском, была проблема недостатка квалифицированных кадров. Однако практически во всех городах с мусульманским населением в мектебе и медресе появились русские классы. Одновременно по всей России происходила централизация образования, что для казахского населения с ноября 1874 г. выразилось в передаче всех правительственных и частных инородческих школ в ведение Министерства просвещения¹.

Таким образом, с вхождением в состав Российского государства в Казахской степи начала формироваться система образования как религиозной, так и светской направленности, которая поэтапно реформировалась в сторону унификации. Казахи обрели свою письменность и литературный язык, что в масштабах империи было, возможно, и малозначимым достижением, но для казахской нации стало структурообразующим фактором в процессе ее оформления. В религиозной сфере правительству удалось сохранить религиозную инертность казахов, оградив их от влияния татарских мулл. Позиции русских властей по отношению к распространению ислама в Степи претерпели значительные изменения. Стремясь интегрировать казахское население в состав империи, русская администрация сначала позволяет деятельность «татарских» мулл, однако затем, когда внешнеполитическое и внутривнутриполитическое значение ислама меняется, пытается создать преграды мусульманскому влиянию, и далеко не только административные. Новые условия потребовали нового уровня интеграции. Создаваемая в Степи система образования была призвана ускорить интеграцию казахского населения в состав России.

В этом плане показательным является одно из дел Главного управления Западной Сибири (ГУЗС), название которого говорит само за себя: «По представлению акмолинского губернатора о вредном влиянии на киргизское население духовных лиц из татар». Почти все документы этого дела находились под грифом «Секретно». Дополнительную информацию об обстоятельствах, ему сопутствовавших, дают пометки на полях документов, сделанные, скорее всего, адресатами, которыми были Николай Геннадьевич Казнаков, генерал-губернатор Западной Сибири с 1875 по 1881 г., и чиновники ГУЗС.

Основные документы дела относятся к периоду с 9 декабря 1877 г. по 25 октября 1878 г. (напомним, что это в точности совпадает по времени

¹ См.: Актаева К. К. Особенности школьного образования в Казахстане во второй половине XIX века // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов. Омск, 1998. С. 116–117.

с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг.). В одном из документов дела прямо говорится: «Во внимание к политическим событиям, происходившим в течение последней войны, и к сообщению министра внутренних дел о замыслах так называемой Молодой Турции выслать своих эмиссаров для возмущения подведомственных России мусульман, генерал-губернатор Западной Сибири неоднократно вменял в обязанность подведомственным ему губернаторам наблюдать за настроением киргиз и татар, и вообще не допускать распространения мусульманского фанатизма на территории вверенного ему края»¹.

Откликаясь на такое распоряжение, генерал-майор Виктор Степанович Цытович, военный губернатор Акмолинской области (1871–1881 гг.), составил представление генерал-губернатору Западной Сибири. В нём содержались рассуждения по поводу введения «Временного положения» 1868 г., в частности, отмечалось, что «киргизы» новым законом довольны. «Если иногда, впрочем довольно редко, и заявляются просьбы о назначении в волость второго муллы или о возведении второй мечети, то это происходит из частных расчетов отдельных личностей, большей частью вслед за подобными прошениями подаются другие от иных лиц о том, чтобы не назначать другого муллу и не разрешать возведения другой мечети». Далее военный губернатор подчеркивает поверхностный характер восприятия магометанской религии в казахской среде. В своей жизни казахи руководствуются не Кораном или шариатом, а народными обычаями. По мысли Виктора Степановича, это способствует лояльности «киргиз» по отношению к русским и «значительно облегчает задачу администрации относительно распространения между ними русской цивилизации»².

При этом генерал-майор делится своими опасениями по поводу проникновения в Степь магометанской пропаганды, что «значительно затруднит дело обрусения киргиз и может парализовать все благие начинания правительства». Магометанская пропаганда «научит киргиз считать русских гяурами, отделиться от них, уединяться в своем обществе, считать турецкого султана главой исламизма и возбуждать к нему сочувствие»³. Цытович указывает на два способа распространения магометанской пропаганды в Степи: во-первых, через татар духовного звания, во-вторых, посредством обучения киргизских детей татарской грамоте. Для борьбы с первым он предлагает запретить магометанским духовным чинам лично вести торговлю в киргизских волостях, оставив им право торговли при помощи посредников. Примечательно, что на «полях», рядом с этим положением, карандашом написано: «это едва ли

¹ По представлению акмолинского губернатора о вредном влиянии на киргизское население духовных лиц из татар // ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 46.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

возможно»¹. Вероятно, так отреагировал генерал-губернатор, но в любом случае очевидно, что не все чиновники поддержали меры, предложенные Цытовичем.

Описывая ситуацию в своей области, Виктор Степанович с тревогой замечает, что татары «относятся к русским вообще недружелюбно» и детей своих русскому языку не учат. «С другой стороны, они очень сочувственно относятся к киргизам, как будто бы к своим одноверцам, но главное, потому, что все их благосостояние происходит от торговли с киргизами»².

В связи с этим Цытович выделяет город Петропавловск, где так и остались без исполнения распоряжения духовного и гражданского начальства по введению преподавания русского языка во вновь открываемых при мечетях училищах. Виновными он признает местных мулл и особенно ахуна Яушева, который каждый раз уклоняется от распоряжений начальства.

В данном случае Цытович имеет в виду доносы на Габдельбари Яушева (1814–1894) — известного представителя татарского рода Яушевых, который играл большую роль в общественно-политической и культурной жизни мусульман Российской империи. Габдельбари Яушев после 15 лет обучения в Бухаре в 1852 году стал имамом 2-й мечети Петропавловска, а 8 февраля 1858 г. был утверждён в звании старшего ахуна по Тобольской губернии. При поддержке местных купцов он стал попечителем и имамом Ирбитской ярмарочной мечети. В 1876 г. причины такой поддержки генерал-губернатор Западной Сибири Казнаков видел исключительно в глубокой религиозности Габдельбари Яушева и даже выражал опасения по поводу влияния этого «религиозного фанатика» на торгующих мусульман. Поэтому в 1876 г. за Габдельбари Яушевым был установлен полицейский надзор. Согласно данным полиции, «Яушев получает письма из Турции и в России ведет довольно большую корреспонденцию»³. Здесь необходимо заметить, что ахун Яушев в силу своего статуса не только занимался делами религии и образования, он и оказывался порой в эпицентре имущественных тяжб, борьбы купеческих кланов, соперничества между татарским и казахским духовенством. Поэтому доносы на него (и других духовных лиц) часто не отражали реального положения вещей, а являлись продолжением борьбы местных элит.

¹ По представлению акмолинского губернатора о вредном влиянии на киргизское население духовных лиц из татар // ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ *Шаблей П.* Семья Яушевых и ее окружение: ислам и дилеммы властных отношений в Российской Империи во второй половине XIX — начале XX вв. [Электронный ресурс] // DOCPLAYER. URL: <http://docplayer.ru/49124150-Semya-yaushevyyh-i-ee-okruzhenie-islam-i-dilemmy-vlastnyh-otnosheniy-v-rossiyskoy-imperii-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-vv.html> (дата обращения: 10.04.2018).

Возвращаясь к представлению военного губернатора Цытовича, подчеркнем, что для него само распространение татарской грамоты «не может быть в видах правительства»¹. Рассмотрев представление Цытовича, генерал-губернатор Казнаков «во внимание к важности настоящего предмета» потребовал сведений от остальных подведомственных ему губернаторов. Из донесений, сделанных на этот счёт томским и тобольским губернаторами, стало ясно, что татарское население этих областей, в том числе и духовные лица, проявляло интерес к жителям Степи постольку, поскольку это способствовало процветанию их торговли, и отнюдь не помышляло о религиозном воздействии на казахов².

Свое видение проблемы выразил и статский советник Владимир Леонтьевич Чернавин, вице-губернатор Семипалатинской области (1872–1885). Он утверждал, что «масса киргизского населения Семипалатинской области не только не фанатична, но и совсем не религиозна». Обрядовая религиозность богатых киргизов не связана, по мнению Чернавина, с влиянием татарских торговцев. Это результат прежней системы управления Степью, «когда правительство поддерживало влияние на население местной, отчасти искусственно созданной аристократии и татарского духовенства». С введением «Временного положения» татарское духовенство утратило своё влияние в Степи. «Искренних фанатиков в киргизской среде найдется три-четыре человека — это выжившие из ума старцы из прежних приказных султанов, доживающих свой век в стороне от потока народной жизни». Большинство из них в действительности верят только в золотого тельца. Они же и были главными зачинщиками денежных сборов в Павлодарском уезде якобы для помощи туркам. «Влияние этих личностей, всегда вредное, на народ прямо пропорционально вниманию, оказываемому им начальствующими лицами»³.

Чернавин не видел достаточных оснований к принятию мер, предложенных акмолинским военным губернатором Цытовичем. Запрещение целому сословию выезжать в Степь — писал Владимир Леонтьевич — могло быть оправдано только чрезвычайными событиями. Отмена татарской грамоты в Степи, при незначительном распространении русской, равносильна ограничению получения грамотности вообще. Введение преподавания русского языка в школах при мечетях с помощью полиции, а не Оренбургского магометанского собрания, способно привести к «религиозному антагонизму» в среде татар. Статский советник Чернавин заключает, что обрусение казахского населения — вопрос

¹ По представлению акмолинского губернатора о вредном влиянии на киргизское население духовных лиц из татар // ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 3.

² Там же. Л. 18–23, 36–45.

³ Там же. Л. 25.

государственной важности и «обсуждение его здесь едва ли уместно, пока не последует о том правительственного запроса»¹.

На представление Чернавина не замедлил ответить Цытович. Он разобрал ошибки прежней политики в Степи и сделал небольшой экскурс в прошлое, указав на то, что православие среди казахов следовало внедрять уже тогда. Обращаясь к текущему моменту, военный губернатор Акмолинской области обнаружил и в современной политике серьезные просчёты, для устранения которых он предложил 7 пунктов:

«1. Воспретить на будущее время татарам селиться в области и приписываться к городам и сёлам, не исключая из обществ и не выселяя из Степи тех, которые уже приписаны к степным обществам.

2. Изъять татарское духовенство, находящееся в области, из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания с тем, чтобы татарские духовные лица избирались прихожанами из своей среды.

3. Упразднить в области должности ахунов и звание указных мулл. Хотя это последнее звание примечанием к § 256 “Временного положения” об управлении в областях и отменено, но это, как видно из самого § 256, относится только до киргизских мулл.

4. Воспретить киргизам обращаться за исполнением каких бы то ни было треб к татарским муллам; равно и этим последним воспретить совершать какие-либо требы для киргизов.

5. Воспретить киргизам и проживающим в области татарам отлучки в Константинополь, Мекку и Медину.

6. В татарских школах области, как мужских, так и женских, ввести русский язык обязательным предметом обучения и как те, так и другие подчинить тому же начальству, которому подчинены киргизские интернаты и другие школы.

7. Дозволить иметь особую мечеть и особого муллу только таким обществам, которые заключают в себе не менее трехсот душ мужского пола»².

Итоговым документом в деле «о вредном влиянии на киргизское население духовных лиц из татар» можно считать составленный в аппарате ГУЗС «Черновой проект записки, поданной генерал-губернатору». Его авторы пришли к выводу, что в Томской и Тобольской губерниях, где преобладают татары и русские, «о влиянии первых не может быть и речи». А в Семипалатинской и Акмолинской областях, «где киргизы совершенно отчуждены от всего русского», вредное влияние «татар и других азиатских выходцев не подлежит сомнению». Следовательно, нельзя оставлять без внимания действие мулл в киргизских волостях, как это предлагал Чернавин. Составители «Чернового проекта» оценивали

¹ По представлению акмолинского губернатора о вредном влиянии на киргизское население духовных лиц из татар // ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 26.

² Там же. Л. 33–34.

как справедливое предложение Цытовича о необходимости определения числа душ в мусульманских общинах, имеющих право ходатайствовать об устройстве мечетей и школ при них. Вмешательство же татарских мулл в брачные дела киргизов, их противодействие распространению русского языка и «побуждение к путешествию в Мекку» должны пресекаться, но с крайней осторожностью. Предложение Цытовича об изъятии татар, проживающих в Акмолинской и Семипалатинской областях, из ведения Оренбургского духовного собрания расценивалось в «Черновом проекте» как провокационное. «Преследование распространителей фанатизма должно производиться на основании закона, ограничиваясь частными случаями»¹.

Очевидно, что на уровне губернских властей по вопросу о влиянии татарского духовенства в Степи чётко определилось две позиции. Сторонник одной из них, акмолинский военный губернатор Цытович, выступал за дальнейшее ужесточение существующего законодательства по данному вопросу. Другая позиция, выраженная вице-губернатором Семипалатинской области Чернавиным, означала нейтральное отношение к исламу в рамках существующего правового поля. Изменений законов в сторону усиления контроля за татарским духовенством не последовало, но и нейтралитет не приветствовался.

Подводя итоги, отметим, что религиозная политика Российской империи во многом зависела от внешнеполитической обстановки. Правительство Екатерины II с тревогой наблюдало за деятельностью среднеазиатских учителей ислама в Казахской степи. Чтобы нейтрализовать их влияние, было решено оказать государственную поддержку татарским муллам, сделав их по сути официальными представителями империи. По мере завоевания Средней Азии во второй половине XIX века посредническая деятельность татарских мулл становилась все менее актуальной. К тому же в деле интеграции казахов в состав империи правительство заметно продвинулось вперед, а влияние волжских татар, переживавших национально-религиозный подъем, могло перечеркнуть все достижения. Неудачная Крымская война и утрата прежних позиций на Ближнем Востоке подогревали антиисламские настроения. В результате изменилось отношение и к татарскому духовенству, и к исламу в целом.

Окончательный поворот к новой религиозной политике произошёл в ходе реформы 1868 г. Наиболее значимым нововведением было организационное разделение мусульман-казахов и мусульман-татар, а также установление контроля за численностью мечетей и находившихся при них школ. Российские власти медленно, но верно шли в сторону унификации, что предполагало развитие в первую очередь светского

¹ По представлению акмолинского губернатора о вредном влиянии на киргизское население духовных лиц из татар // ИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15406. Л. 52–53.

образования в противовес религиозному. Независимо от целей империи, благодаря российским ученым казахский народ обрел свою письменность и литературный язык, без которых оформление казахской нации трудно представить. В результате российскому правительству удалось усилить светское направление казахской культуры и сохранить религиозную инертность казахов. При этом российская администрация проводила корректную политику, пресекая какие-либо инициативы, выходящие за рамки закона и ограничивающие исламское население. Таким образом, целостность Российской империи обеспечивалась не только военной мощью, но и гибкой религиозной политикой.

Источник

Исторический архив Омской Области (АОО). Ф. 3. Главное управление Западной Сибири. Оп. 9. Д. 15406. Л. 1–4, 18–23, 25–26, 33–34, 36–46, 52–53, 57–59.

Литература

Айтмухамбетов А. А., Ермакбаев Ж. А. Эволюция образования в Казахстане в процессе развития русско-казахских отношений (середина XIX — начало XX в.) // *Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.): Междунар. науч. конф., посвящ. 175-летию образования Ом. обл.: тез. докл. и сообщ. / Ом. гос. ун-т, Евраз. нац. ун-т им. Л. Н. Гумилева, Кокшетаус. ун-т им. Ч. Ч. Валиханова [и др.]; редкол.: Н. Н. Бревнова, А. И. Казанник, А. В. Ремнев (отв. ред.) и др.]*. Омск, 1998. С. 122–124.

Актаева К. К. Особенности школьного образования в Казахстане во второй половине XIX в. // *Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.)*. Омск, 1998. С. 115–117.

Каппелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.

Султангалиева Г. «Татарская» диаспора в конфессиональных связях казахской степи (XVIII–XIX вв.) // *Вестник Евразии*. 2000. № 4. С. 20–36.

Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. I (V в. до н. э. — XVIII в.) / под ред. проф. С. Д. Асфендиарова и проф. П. А. Кунте. Алма-Ата — М.: Казахское краевое издательство, 1935. 299 с.

Source

Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti (АОО) [Historical archive of the Omsk region.] F. 3. Glavnoe upravlenie Zapadnoj Sibiri [The main administration of West Siberia]. Op. 9. D. 15406. L. 1–4, 18–23, 25–26, 33–34, 36–46, 52–53, 57–59.

References

Ajtmuhambetov A. A., Ermekbaev Zh. A. (1998). Jevoljucija obrazovanija v Kazahstane v processe razvitija rusško-kazahskih otnoshenij (seredina XIX — nachalo XX vv.) [Evolution of Education in Kazakhstan in the Process of Development of Russian-Kazakh Relations (the Middle of XIX — Early XX Centuries)]. *Stepnoj kraj: zona vzaimodejstviya rusškogo i kazahškogo narodov (XVIII–XX vv.): Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 175-letiyu obrazovanija Om. obl.: tez. dokl. i soobshch. / Om. gos. un-t, Evraz. nac. un-t im. L. N. Gumileva, Kokshetaus. un-t im. Ch. Ch. Valihanova [i dr.; redkol.: N. N. Brevnova, A. I. Kazannik, A. V. Remnev (otv. red.) i dr.]*. Omsk. S. 122–124.

Aktaeva K. K. (1998) Osobennosti shkol'nogo obrazovanija v Kazahstane vo vtoroj polovine XIX v. [Features of School Education in Kazakhstan in the Second Half of the XIX Century]. *Stepnoj kraj: zona vzaimodejstviya rusškogo i kazahškogo narodov (XVIII–XX vv.): Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 175-letiyu obrazovanija Om. obl.: tez. dokl. i soobshch. / Om. gos. un-t, Evraz. nac. un-t im. L. N. Gumileva, Kokshetaus. un-t im. Ch. Ch. Valihanova [i dr.; redkol.: N. N. Brevnova, A. I. Kazannik, A. V. Remnev (otv. red.) i dr.]*. Omsk. S. 115–117.

Asfendiarov S. A., Kunte P. A. (Ed.) (1935). *Proshloe Kazahstana v istochnikah i materialah. Sb. I (V v. do n. eh. — XVIII v.)* [The Past of Kazakhstan in Sources and Materials from the 5th Century BC till the 18th Century AD]. Alma-Ata: Kazahskoe kraevoe izdatel'stvo. 299 pp.

Kappeler A. (2000). *Rossiya — mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie — istoriya — raspad*. [Russia as a Multinational Empire. Appearance — History — Decay. In Russ.]. Moscow: Progress-Tradition. 324 pp.

Sultangalieva G. (2000). «Tatarskaja» diaspora v konfessional'nyh svyazjah kazahskoj stepi (XVIII–XIX vv.) [‘Tatar’ Diaspora in the Confessional Ties of the Kazakh Steppe (XVIII–XIX Centuries)]. *Bulletin of Eurasia*. 2000, no. 4, pp. 20–36.

The Past of Kazakhstan in Sources and Materials. Vol. 1 (5th Century BC — 18th Century AD). Alma-Ata: Kazahskoe kraevoe izdatel'stvo. 299 s.

RELIGIOUS POLICY AS A TOOL OF INTEGRATION OF KAZAKHS IN RUSSIA IN XVIII–XIX CENTURIES

Abstract. The article reveals the peculiarities of the development of the religious policy of the Russian Empire in relation to the Kazakh population in XVIII – XIX centuries. The author uses previously unpublished materials from the holdings of the Historical archive of Omsk region. This perspective of the study is of practical importance, as in the modern world it is impossible to imagine a multiconfessional state without a certain model of religious policy. One of the variants of such a model was the religious policy of the government of Catherine II. In an effort to culturally integrate the Kazakhs into Russia and to protect them from the influence of the Tashkent, Bukhara and Khiva anti-Petersburg teachers of Islam, the Russian government in the XVIII century made the Tatar mullahs official representatives and guides of the Russian influence among the Muslim Kazakhs. Tatars had to make the prospect of Russian citizenship more attractive for the Kazakh population than the possibility of political unity with Muslims of Central Asian khanates. At the same time, the Central Asian teachers of Islam have already begun their preaching in the Kazakh steppe. But after the conquest of Central Asia the Russian authorities had no more need for the active Tatar presence in the region. The Russian government organizationally separated Muslim Tatars from Muslim Kazakhs, strengthened the secular direction of development of Kazakh culture, maintaining the loyalty of the Kazakh people. At the same time, any illegal initiatives, which restricted the Muslim population of the Empire, were stopped. Thus, the successful expansion of the borders of the Russian Empire in the XIX century is not only an indicator of the military power of the Empire, but also the result of a flexible religious policy.

Keywords: religious policy, Islam, Empire, Tatar mullahs, Kazakhs, Russian administration, integration.

Emel'yanova Natalia,

Cand. Sci. (Hist.), associate professor, Chair of Philosophy and Humanities;
Omsk State Medical University
(12, Lenin Str., Omsk, 644099, Russian Federation).
E-mail: natalya33345@gmail.com

